

ЛЕДЯНОЙ
РУССКИЙ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РОМАН
ТРИЛЛЕР



АНДРЕЙ ПОЛЯКОВ

ПРЕСС-ТУР



МОСКВА
2023

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
П54

Иллюстрация на переплете *Максима Малкина*

Поляков, Андрей Игоревич.
П54 Пресс-тур / Андрей Поляков. — Москва : Эксмо, 2023. — 288 с. — (Ледяной триллер. Русский фантастический роман).

ISBN 978-5-04-185904-6

2031 год. Столичный менеджер Павел в предвкушении сенсации. Ему предложено возглавить группу журналистов и блогеров, которые наконец увидят процесс добычи и переработки нового альтернативного источника энергии, открытого на Крайнем Севере. Однако первый неприятный сюрприз ждет их уже в аэропорту назначения. Самолет никто не встретил. Только пронизывающий ветер и пугающая пустота вокруг. Заснеженный холодный город как будто вымер. Похоже, в нем не осталось живых. Но так казалось до тех пор, пока истерзанная страхом компания не столкнулась со страшной изнанкой мертвого безмолвия...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-185904-6

© Поляков А.И., 2023
© ООО «ЛитРес», оформление, 2023

*История, которая поражает
и пугает своей реальностью.*

*Это не просто хоррор про
удивительную эпидемию. Это
инструкция — «как избежать
катастрофы».*

Телеграм-канал
«Книжный Лис»

Моей семье.

Пролог

[Особой важности]

*Приложение № 6 к делу № КРПК/1
Полетный манифест рейса № ■■■■■■*

	ФИО	ГРАЖДАН- СТВО	ПОЛ	ВОЗ- РАСТ
1	Орлов Павел Аркадьевич	РФ	М	31
2	Герман Кира Жакановна	РФ	Ж	18
3	Торшин Владимир Алексеевич	РФ	М	36
4	Смирнов Алексей Сергеевич	РФ	М	52
5	■■■■■■ ■■■■■■	Бел.	Ж	20
6	Войтенко Михаил Борисович	РФ	М	67
7	Попов Антон Давидович	РФ	М	45
8	Варданян Эрик- Степанович [ОТМЕНА]	Арм.	М	37

[Особой важности]

[Изъять]

Приложение № 7 к делу № КРПК/1

Расшифровка переговоров пилота рейса № ■■■■■■

23:30:15—23:31:45

Пилот. Металлург, руление, добрый вечер. КС1 на стоянке, разрешите погоду и условия выхода на Краснополярск.

Диспетчер. Металлург, добрый вечер. На вылет пятая полоса, ветер сто десять градусов, семнадцать метров, видимость один километр, нижний край не определен, температура минус двадцать пять градусов, коэффициент сцепления ноль четыре. На вылет рассчитывайте пятую полосу. Разрешено согласно плану на Краснополярск, по курсу взлета набирайте семьсот метров.

Пилот. Информацию принял. Полоса в работе пятая. По прямой набираем семьсот. Дерьмовенькая погода.

Диспетчер. Так точно.

Пилот. Разрешите буксировку и запуск.

Диспетчер. Буксировку разрешаю, запуск по готовности.

23:45:31—23:45:59

Пилот. Север-43, добрый вечер. КС1, вылет из Металлурга согласно плану, расчетное время прибытия двадцать минут, разрешите условия посадки.

Диспетчер. ...

Пилот. Север-43, прием.

Диспетчер. ...

Пилот. Север-43, прием?

Диспетчер. ...

Пилот. Север-43, Краснополярск, там слышит кто-нибудь?

Диспетчер. ...

23:48:17—23:48:55

Пилот. Металлург, КС1, давно ли была связь с Север-43?

Диспетчер. КС1, пару часов назад.

Пилот. Металлург, не могу связаться. Неоднократно предпринимал попытки. Рекомендуемый порядок действий?

Диспетчер. КС1, продолжайте согласно плану, в этих погодных условиях возможны неполадки со связью, повторите на подлете.

23:54:21—23:54:30

Пилот. Север-43, добрый вечер, КС1.

Диспетчер. ...

Пилот. Север-43?

Диспетчер. ...

23:59:31—23:59:42

Пилот. Металлург, КС1, по-прежнему нет связи с Север-43.

Диспетчер. ...

Пилот. Металлург?

Диспетчер. ...

Пилот. Металлург?!

* * *

Он очнулся, когда уже светало. Пульсирующая боль сдавливала виски, дышать было тяжело, что-то кололо в груди. Словно пьяный, осмотрелся по сторонам, пытаясь понять, где оказался. Обочина дороги, сугробы, безжизненные крючковатые ветви векового леса. И холод. Было нестерпимо холодно. Холодно и больно. Чуда не случилось, он находился все там же.

Человек аккуратно прикоснулся к окоченевшему носу дрожащей от напряжения рукой и стал растирать его медленными круговыми движениями. Еле шевелящиеся пальцы нащупали над губой ледяную корку запекшейся крови. В голове пронеслись воспоминания: нападение, безумная погоня... Дальше провал в памяти. Судя по тому, что за ним никто не вернулся, он — последний, кто остался в живых из всей группы.

Сил бороться уже не было, в голове промелькнула предательская мысль сдаться и уснуть в этих белоснежных сугробах. Человек упрямо отогнал ее. Не зря жизнь дала ему здесь столько шансов — надо встать и продолжать пытаться выжить. Вот только куда теперь идти? Назад, в город, или в аэропорт?

И там, и там подстерегала смерть.

Часть первая

Глава 1

НОВАЯ НЕФТЬ

В шесть тридцать утра шахтера поднял мерзкий звук будильника на телефоне. Он сонно выглянул в окно — яркое солнце уже давно встало, как и всегда в этих краях летом, так что спать без плотно задернутых штор было невозможно, а просыпаться без луча света — еще сложнее. Ему уже не терпелось уехать куда-нибудь на Большую землю, хватит с него безлюдного севера. Родом из Нижневартовска, он перебрался сюда три месяца назад с Наталкинского месторождения в Магадане, где проработал несколько лет. Там к нему и приклеилась кличка Семеныч.

Душ, кофе, недосоленная яичница. Через час к хрущевке подрулил новенький белый пазик, который каждый день отвозил Ивана Семеновича и его коллег на шахту. Из обшарпанных подъездов вываливались продиравшие глаза шахтеры, одетые в чистенькую форму — времена чумазых мужиков с отбойными молотками, которые он еще застал, почти канули в Лету, и большинство работ теперь

выполнялось с использованием взрывчатки, поро-
допогрузочных машин и рельсового транспорта.

— Здарова, — приветствовали мужики.

— Здарова, — затынулся в последний раз едкой
утренней сигаретой Семеныч и выкинул бычок
в траву, пробившуюся в трещины в советской
плитке ступенек.

Автобус заскакал по разбитой грунтовой дороге
мимо заброшенных выцветших зданий с окнами,
забитыми наискось грубыми досками, и первыми
этажами, заросшими зеленью. В нескольких домах
рассыпающиеся в труху деревянные двери были
открыты, а в окнах виднелись дешевые тюлевые
занавески — тут еще теплилась какая-то жизнь.
У одного из подъездов лениво лежал облезлый дво-
ровый кот и безразлично смотрел на проезжающий
пазик. Несмотря на веселую летнюю погоду и чи-
стое голубое небо, пейзаж за окном был донельзя
депрессивный.

Через пару минут автобус свернул на недав-
но проложенное от аэродрома шоссе и понесся
в сторону шахты. Остались лишь дорога и зеле-
ное поле до самого горизонта, с редкими скалами,
вонзающимися в небо. Вокруг на сотни кило-
метров сплошная природа: нетронутые древние
леса и вода — стремительные реки, бездонные
озера, ниточки жемчужных ручейков и подстере-
гающие незадачливого оленя или птицу болота.
Иван приоткрыл окно — и лицо заласкал свежий

ветер с ароматом лугового разнотравья. Ради таких моментов работу тут еще можно было терпеть.

На подъезде к КПП водитель, нарушая технику безопасности, обогнал возвращающийся с рудного отвала грузовик и радостно просигналил охране. Семеныч угрюмо матернулся под нос.

Год назад спутник засек в горах вблизи Краснополярска большие залежи полезных ископаемых — и среди них золото. Военный городок был расположен в такой дыре, что в советское время никому даже в голову не пришло вести здесь геологоразведку. Да и сейчас, спустя десятилетия, сюда никто бы не полез, если бы не сочетание двух факторов. Первый — наличие рядом заброшенного военного аэродрома с подходящей взлетно-посадочной полосой. Второй и главный — большие залежи золота, в котором сильно нуждалась страна после прошедшей пятилетки экономического спада.

Несмотря на наличие аэродрома, подготовка к старту разработки шахты была все равно нетривиальной задачей — грузовые самолеты совершили десятки рейсов для доставки строительных материалов, техники, бытовок, электрогенераторов, горючего и персонала. Для проживания сотрудников была на скорую руку отремонтирована парочка заброшенных хрущевок военного городка. Компания сильно рисковала, вкладывая огромные деньги в одну только подготовку к разработ-

ке и добыче, но владелец был из уралмашевских и нередко ходил по краю, принимая бизнес-решения, да и показания спутника и начальные пробы на месторождении внушали оптимизм. Семенych верил в успех предприятия — недавно они натолкнулись на богатую жилу и с энтузиазмом продолжали вгрызаться вглубь скалы.

Сегодня стояла задача пройти взрывным методом пару десятков метров — за ними, по прикидкам геологов, начинались самые богатые пласты руд. Сначала требовалось немного потрудиться «чернорабочим», тем, кто еще пользовался отбойными молотками, — подготовить скважины для взрывчатого вещества. Когда Иван спустился в шахту, оцепление уже было выставлено, знакомый по Магадану инженер-взрывник возился с детонаторами и шнурами, наготове стояла тележка с зарядами.

Через полчаса все отошли на безопасное расстояние и надели защитные наушники и очки. Грохот, взрыв, положенное время проветривания — и маркшейдер аккуратно двинулся вперед, светя по сторонам фонариком.

На полпути он остановился и присвистнул.

— Что за черт?!

— Что там у тебя? — крикнул напряженно вглядывающийся в темноту Семенych.

— Поди сюда, мне кажется, у меня от газа крыша едет.

Семеныч медленно двинулся вперед. В паре десятков метров от него маркшейдер, встав на колени и опустив голову, что-то изучал. Шахтер напрягся, ноги пошли медленнее. Шаг, еще шаг. Дошел. Осмотрелся. Ничего необычного.

— Ну и чего ты тут копаешься?

— Посмотри, под нами что-то есть.

Иван припал к земле, инженер щелкнул выключателем фонаря на каске. Прямо перед ними зияло крохотное отверстие, откуда лился немного пугающий, неземной фиолетовый свет.

* * *

Алексей уныло осмотрел аудиторию. И на что он тратит свою жизнь? Им же пофиг все. Ладно, сейчас не время для руминаций. Он громко хлопнул в ладоши, чтобы привлечь внимание первокурсников. На задних партах кое-кто проснулся и нехотя уставился на лектора.

— И вот так мы открыли нашу вторую нефть.

Эту лекцию он читал уже раз десять. Несмотря на непростую, отнимающую все время работу главного редактора «Российской промышленности», Алексей Смирнов не пропускал ни одного занятия в Научной долине МГУ, где в качестве приглашенного лектора читал курс «Новая экономика».

— Благодаря открытию росения и непопулярным, но назревшим экономическим и управленче-

ским реформам, уже к концу двадцатых годов наша страна вышла из рецессии и началось «российское экономическое чудо». Ведь, как известно, именно в Краснополярске находится единственное разведанное месторождение этого полезного ископаемого. Нам несказанно повезло, впрочем, уже не в первый раз в нашей истории. Искали золото, а нашли еще более ценный клад.

Через несколько месяцев исследований стало ясно, что месторождение обеспечит энергией всю планету на сотни лет вперед. Наше руководство тогда пошло на рискованный ход, решив уничтожить рынок нефти по всему миру — и перевести планету на альтернативный источник энергии. Который, как планировалось, будет контролировать Россия.

Один из проснувшихся смуглых студентов перестал слушать и начал игриво перешептываться с соседкой. Та улыбалась и накручивала золотистый локон на палец. Смирнов опять замолчал, потом вышел из-за кафедры и приблизился к аудитории.

— Как вам рассказывала Светлана Николаевна на курсе современной отечественной истории, в тот год едва не дошло до войны, на Россию ополчилась половина стран мира. Все закончилось «Женевской энергетической хартией», регулирующей количество росения, который мы можем добывать, обрабатывать, использовать в наукоемком

производстве и экспортировать. Таким образом рынки нефти и других энергоресурсов были спасены, хотя их потребление существенно снизилось. Все, что мы наблюдаем в последние годы: новые магазины, разворачивающиеся стройки, города на Дальнем Востоке осуществляется во многом благодаря продаже росения, даже того ограниченного объема, что «Росальтэн» имеет право экспортировать.

— Алексей Сергеевич, а почему такой важный ресурс продает частная компания? — спросила студентка с первого ряда. Каждое занятие она пыталась задать какой-нибудь острый вопрос, подловить, что только умиляло лектора и давало надежду, что его деятельность хоть кому-то нужна.

— Ну как частная, — хмыкнул Алексей. — Неоспоримо, что государство сильно влияет на принимаемые решения. С севера город даже прикрывает отдельная армейская группировка, мощная база с десятками единиц военной техники и ракетами средней дальности. Но определенная независимость у компании действительно есть, месторождение они обнаружили, когда центральная власть была сильно ослаблена неблагоприятной экономической ситуацией.

Студентка начала прилежно конспектировать.

— Это можно не записывать. — Алексей рассмеялся, умилившись. — Так вот, росений добывается в месторождении близ Краснополярска,

который был основан еще в советское время, после Великой Отечественной, как крохотный военный городок. Пара сотен защитников Родины жили там с семьями, охраняли северные рубежи, содержали аэродром. Потом, в девяностые годы, там почти все вымерло, в нулевые аэродром вообще хотели расформировать, но руки у Минобороны не дошли. В десятые годы, во время наращивания военного бюджета, Краснополярск начали возрождать в качестве военной базы, но быстро затормозили процесс из-за истощения денежных средств. Снова начался упадок.

А дальше пришла геологоразведка, об этом я вам только что поведал. В последние годы население Краснополярска разрослось до пяти тысяч человек. По российской классификации это не совсем город, скорее населенный пункт, но очень важный. Кто не знает, статус города присваивается при численности жителей от двенадцати тысяч человек.

Теперь Краснополярск представляет собой причудливую смесь из отремонтированных хрущевок с квартирами семей отставных военных и районов в стиле хай-тек, где живут сотрудники «Росальтэна». Если кто не догадался, это расшифровывается как «российская альтернативная энергетика», с названием в спешке после открытия товарищи не особо запаривались. Логотип вы все видели — фиолетовый ромб на белом фоне.

Компания отстроила большой завод первичной переработки, огромный аэропорт с пассажирскими и грузовыми терминалами, больше, чем в Крыму, «на вырост», новую больницу, отремонтировала по последнему слову техники старые детский сад и школу. Одним словом, город расцвел.

Алексей прочистил горло.

— Конечно, туда никак не доберешься — нет ни железной дороги, ни автомобильной, только самолетом можно долететь. И интернет, и связь вся идет через спутник, с лагами. Есть план по постройке скоростной железнодорожной ветки, но даже со всеми невероятными бюджетами компании это представляется ужасно затратным и бессмысленным проектом — на десятки и сотни километров в округе нет ни души, кроме упомянутой мной военной базы. Помимо этого, там еще и национальные парки повсюду. Просто по прямой дороге проложить нельзя, надо вести ее в обход, с большими поворотами и «крюками».

В общем, пока самолеты спокойно справляются с вывозом тех объемов росения, что «мировая общественность», — Алексей скривился, — позволила нам добывать. И, — он сделал театральную паузу, а потом повысил голос, чтобы привлечь внимание, — скоро, если все сложится, я поеду туда в пресс-тур. Впервые за все время на завод и месторождение пустят журналистов. —

Студенты с задних рядов наконец-то посмотрели на него с живым интересом. — Ждите мой репортаж на сайте «Роспрома», и я обязательно расскажу вам о своих впечатлениях лично на одном из занятий.

Прозвенел звонок. Смирнов вышел из главного здания МГУ и неторопливо побрел под кружащимися снежинками и нависающими с деревьев сугробами в сторону станции метро «Университет». Мимо проплыл фиолетовый московский автобус с двигателем на росении, о чем радостно сообщала надпись на борту. В голове снова заиграла шарманка с мыслями о том, на что он тратит свою жизнь.

С женой и детьми как-то не сложилось, зато к своим пятидесяти годам он многое повидал. Смирнов не раз жалел, что выбрал одну из древнейших профессий, особенно в ранние двадцатые, когда хороших новостей о российской промышленности было кот наплакал. Алексей неоднократно помышлял о том, чтобы бросить родное издание и журналистику, лет пять выживал за счет фуршетов на пресс-мероприятиях и перепродажи подарков редакции от различных компаний, но вскоре, после открытия росения, в жизни «Российской промышленности» и ее коллектива началась светлая полоса.

Портал получил крупный грант на развитие от государства, а «Росальтэн» стал крупнейшим

спонсором и рекламодателем. Предыдущий главред был назначен генеральным директором издания и занимался теперь в основном вопросами финансов. Алексея же, за верность и былые заслуги, поставили во главе коллектива. Ситуация была идеальная — он почти не притрагивался к деньгам, в которых никогда ничего не понимал, зато ему была положена приличная зарплата и предоставлена максимальная творческая самостоятельность в формировании редакционной политики.

Слегка покусывать можно было даже рекламодателей — для поддержания репутации независимого и авторитетного издания. Пару раз в своих статьях Смирнов покритиковал сам «Альт» — к большому неудовольствию владельцев портала и генерального. В последний раз тот позвонил ему и устроил выволочку. Впрочем, в самом энергетическом гиганте никак не отреагировали.

А на прошлой неделе их пиарщик написал, что планируется первый в истории пресс-тур на шахту и завод, и пригласил к нему присоединиться. За свою карьеру Алексей был во множестве таких поездок и видел сотни предприятий — от умиравших рудников до возводящихся космодромов и ядерных реакторов. Но этот тур обещал быть одним из самых интересных и важных в его жизни, глоток свежего северного воздуха в каждодневной рутине, в которой он годами терял себя.

* * *

— Сынок, послушай, брось ты свою эту оппозиционную деятельность. Коммунизм уже лет сорок как похоронили.

— Не коммунизм, а анархизм.

— Не вижу разницы, все время у тебя на экране мужики с красными флагами, отнять и поделить. И вообще, у нас город крохотный, тобой заинтересуется служба безопасности «Альта». Если уже не заинтересовалась! И что мне делать, если с тобой беда случится?

— Мам, я...

— Ты знаешь, что они интернет фильтруют, наверняка читают, что ты пишешь, и...

— Я пользуюсь специальными программами, чтобы не читали.

— Тем более, вычислят тебя по твоим программам!

— Мам...

— Илюша, ты в принципе собираешься что-то со своей жизнью делать? На Большую землю ехать, учиться? Или так и проработаешь всю жизнь тут, в автомастерской? Тебе уже двадцать три!

— Как я тебя брошу?

— Я проживу, будешь навещать. Ты вообще слышишь, что я тебе говорю? Брось свою политику, до добра не доведет!

Илья начал заводится.

— Мама! Послушай меня! Я не понимаю, как можно не быть против того, что тут происходит. Помнишь, два года назад я в Екатеринбург ездил? Ванька мне рассказывал: все на Большой земле все знают, обсуждают грешки «Альта». Мутные схемы, уход от налогов, как они тут своих сотрудников деньгами осыпают, а остальному городу гроши платят. И это он даже не слышал про загрязнение рек, про заповедные леса, что они тут себе под дачи вырубают, про охоту на красно-книжных животных.

— Ну и какое отношение...

— Мама, какой сейчас год? Ты до сих пор в хрущевке живешь, когда по всей стране реновация, государство тебя бросило, «Альт» тебе никак не помог. Как мне не интересоваться политикой? А может, ты забыла про обвал?

— Это несчастный случай был, ты прекрасно знаешь сам. Благодаря им вся Россия держится. Ты помнишь, что тут десять лет назад было? Они больницу новую построили, школу отремонтировали, надбавка к пенсии мне от них большая. У тебя теперь работа есть, тут никаких частных автомобилей раньше и не было даже.

— Несчастный случай потому, что на безопасности шахты сэкономили. Мама, ты разговариваешь штампами из телевизора! Они нам кость бросают, чтоб люди не бунтовали. Живем в разваливающейся хрущевке на твою пенсию!

— Все так и есть, никаких штампов! Вырастешь — поймешь. — Мать перешла на повышенный тон: — Думаешь, я дура, не понимаю, что они не альтруисты?! Но без них, я не знаю, где бы мы сейчас были!

Илья взбесился, хватил кулаком по кухонному столу и стремглав выбежал на улицу. Хотел набрать Денису, но передумал. От злости и нечего делать побрел к площади Ленина — посидеть на лавке. Пройти улицу из трехэтажных хрущевок, потом памятник вождю в окружении отремонтированных ДК, школы и детского сада, а за ними — новые районы, где и находилась автомастерская, в которой он подрабатывал.

Новые районы выглядели инопланетно: для сотрудников «Росальтэна» выстроили несколько десятков малоэтажных зданий в духе модных урбанистических тенденций — зелень на крышах, окна до пола, качественная дорогая отделка натуральными материалами; дворы были без машин, но с велодорожками для популярных тут летом электровелосипедов. Такие чудо-дома Илья видел лишь в интернете на фотографиях, и теперь, глядя на них каждый день, он особенно остро ощущал себя человеком второго сорта, застрявшим где-то на обочине жизни. Чтобы еще усилить ощущение сегрегации, жилая часть новых районов была отгорожена от остального города сплошной стеной с периметром безопасности.

Чтобы никто не перепутал: за забором — бояре, снаружи — холопы.

Новые хозяева города и жизни реконструировали хрущевки, что находились вблизи от центральной площади, видимо, чтобы не портили вид, а на других, включая ту, где жили Илья с матерью, похоже, решили сэкономить. Их обещали расселить, но этого надо было ждать еще как минимум несколько лет, сейчас же комиссия признавала состояние зданий удовлетворительным, несмотря на текущие трубы шестидесятих годов и трещины в леденеющих зимой стенах.

«Пока мы живем в аварийных домах, они тут катаются на своих электровелосипедах», — с давно затаенной злостью подумал Илья.

Его детство выдалось тяжелым. Отец, отставной военный, обслуживавший аэродром, так и не смог вывезти семью на Большую землю. Умер он рано, и десятилетний Илья Демьянов остался вдвоем с матерью. Лет пять после похорон выдались особенно мучительными, мама безуспешно пыталась найти хоть какую-то подработку на погибающем аэродроме, а пенсии и надбавки за отца едва хватало на еду и свет.

К моменту открытия росения Краснополярк практически вымер — все, кто мог, уезжали к родственникам на юг, бросая квартиры вместе с пожитками. Сначала в городе сохранность чужих жилищ уважали, потом бедность заставила вскры-

вать соседские квартиры и пользоваться всем, что попадалось под руку. В конце концов самым ходовым товаром в Краснополярске стала водка.

Шестнадцатилетний Илья, один из семи учеников местной школы, от безнадёги уже подумывал наложить на себя руки, останавливало лишь экзистенциальное чувство вины перед матерью. Как вдруг в городе появились шахтеры, геологи, строители, за ними инженеры и менеджеры — и все вокруг пришло в движение, заработало, и Краснополярк стал оживать.

В чем-то мать была права — «Альт» действительно в тот момент спас их город и всю страну. Однако затем воодушевление от перспектив новой жизни сменилось разочарованием. В компанию практически невозможно было устроиться на нормальную работу — лишь на самые низовые должности, вроде поварихи в столовой или грузчика в аэропорту. Мать не взяли даже поварихой. Его тоже не взяли. Его лучший друг с трудом устроился на шахту и погиб при обвале. Лишь его школьного приятеля Серегу приняли на теплое местечко за великолепные компьютерные навыки — и сделали в своей пропаганде символом возможностей для остальных жителей города.

К двадцать первому дню рождения Илья скопил денег и сделал два подарка. Один — матери, новый телевизор. Второй — себе, купил билет до Екатеринбурга погостить у троюродного брата Ивана,

с которым переписывался в соцсетях. Поездка стала судьбоносной — именно Ванька рассказал ему об анархизме, познакомил с местной ячейкой активистов и дал пару книжек в дорогу.

Глава 2

ПРИГЛАШЕНИЕ

Лопаты с трудом вгрызались в промерзшую землю Введенского кладбища. Двое рабочих в спецовках закидывали гроб, еще видневшийся на дне ямы. Павел поддерживал мать под руку и пытался сдерживать слезы — из-за ледяного ветра они быстро застывали и превращались в сосульки на бороде и очках. Ветер залезал под пуховую куртку, пробирался за шарф и замораживал пальцы, несмотря на перчатки. Что-то уныло вещал поп, из-за старославянского понять, о чем он говорит, было невозможно: Паша и не слушал.

Здесь уже почти никого не хоронили, место можно было получить лишь на аукционе или по наследству. Старинное, «немецкое» кладбище, где со времен Петра I погребали неправославных христиан, поразило его особой, мрачно-торжественной атмосферой, едва он приблизился к поблекшей краснокирпичной готической ограде. Гроб к могиле несли под согнутыми весом лет кривыми деревьями, по аллеям, вдоль которых на каждом

шагу были видны занесенные снегом скорбные статуи ангелов, изящные мраморные вазы с завитушками, непривычные надписи на латинице и даже часовни и семейные мавзолеи, насчитывающие не одну сотню лет.

Хоронили его дальнюю родственницу, милую женщину, которая нередко навещала его семью в детстве и всегда была к нему добра. Как-то раз она даже приезжала к ним на дачу и отогнала деревенских хулиганов, пытавшихся отобрать у маленького Паши велосипед. Она умерла в глубокой старости при полной ясности ума, так что это событие вызывало лишь светлую грусть, но Павел не мог сдержать рыданий. Этот год его добил.

Вибрация.

Сын. Его сын, о котором он мечтал и которого так ждал, был тяжело болен астмой. Дети у тридцатилетних в их время были аномалией, и когда ребенок появился на свет, Павел был на седьмом небе от счастья. Но длилось оно недолго. Вместо развивающих кружков, социализации с другими детьми, велосипедов, поездок с семьей на море родителей терзали бесконечные дорогостоящие походы к врачам, разговоры о здоровье, пачки лекарств, непрекращающееся мытье полов и уборка, слежение за достаточной влажностью воздуха в доме — и даже любимого британца Гришку пришлось отдать матери.

Вибрация.

Жена. Вероника, которую он так любил, стала совсем чужой. И без того ухудшившиеся после родов отношения с обнаружением болезни сына совсем потеряли радость. Общая беда их не сблизила, наоборот, они погрязли в ежедневных ссорах и скандалах. Он любил жену, жалел, старался понять, сердцем знал, что ей так же тяжело, как и ему, из-за болезни сына, и надо проявлять сострадание, но рассудок говорил, что так продолжаться не может.

Вибрация.

Родители. На старости лет дураки, прожившие лет тридцать вместе, решили развестись. Он даже не знал, как на это реагировать: кроме досады и глубокого недоумения никаких чувств не возникало. А еще ему очень не хватало теплых семейных вечеров, когда он, мать и отец сидели вместе у камина на даче. Когда они сообщили ему о своем решении, он подумал, что это розыгрыш. Но потом отец действительно съехал на отдельную квартиру и теперь, похоже, наслаждался жизнью холостяка, временами появляясь на публике с девушками, приходящимися ровесницами Павлу. Это было неестественно и рушило всю картину Пашиного мироздания.

Вибрация.

В кармане вибрировало и вибрировало. Он зло выхватил телефон: клиент все написывал про подготовку к пресс-туру.

Владимир сидел у окна и фальшиво играл на пианино. Эта покупка была его новой игрушкой; вообще, он приобрел инструмент для души, но уже подумывал задействовать в одном из своих будущих роликов: вместе они шикарно будут смотреться на фоне хромакея.

«Сделаю разгромный обзор — и в конце фальшивенько так сыграю какую-нибудь издевательскую мелодию, будет вишенка на торте и очередная неожиданная фишечка для подписчиков, может, даже завирусится», — подумал он.

Блогер высунул язык и сделал селфи на фоне пианино — это была еще одна его фишка, селфи с высунутым языком. Сначала такие фото вызывали у всех недоумение, потом бесили, затем его стали издевательски пародировать и передразнивать, всегда подчеркивая излишний вес, а когда его ролики стали набирать по миллиону просмотров, он обнаружил, что люди теперь так делают, стремясь ему подражать. Это лишь уверило его в правильности всех своих поступков.

Владимир оперся на новую трость с набалдашником, раскрашенным в цвета флага Ямайки, и поковылял на кухню варить кофе. В детстве он умудрился попасть в аварию на безлюдной сельской грунтовке: его на скутере сбила машина. Так что теперь он ощутимо прихрамывал на одну ногу.

В результате с самых ранних лет Владимир привык ходить с тростью, которая стала еще одной его визитной карточкой. Тростей дома были десятки — он покупал их в России и за рубежом, привозил из пресс-туров, их дарили друзья и рекламодатели его блога, вручали на работе на дни рождения и присылали поклонники из разных уголков страны и бывшего СССР.

Проходя мимо окна, Владимир бросил взгляд на улицу — до горизонта простирались ряды новостроек. К своим тридцати шести он наконец-то скопил на однушку в Новой Москве и теперь обладал пропиской в самом густонаселенном месте России.

Владимир TechKing Трошин был самым известным российским журналистом и блогером во всем, что касалось промышленности, сложных машин, гаджетов и IT-технологий. Начав с YouTube-канала «для своих», за несколько лет он стал звездой сначала российского ютуба, а потом и телевидения — его заметили и позвали работать на «Первый канал». За глаза в индустрии его называли «патриарх» — и ему это нравилось. Владимиру писали фанатки, его гневных отзывов боялись пиарщики, а заработкам завидовали все коллеги по цеху. К нему стояла очередь на месяцы вперед из компаний, желавших рассказать о своем новом заводе, станке или телефоне, — и отбирал он их крайне придирчиво, предупреждая рекламодате-

лей, что даже коммерческий репортаж может быть разгромным. И все равно те несли деньги — засветиться у него значило рассказать о себе многомиллионной аудитории.

За годы работы он объездил нефтяные скважины, автопроизводства и полиграфические комбинаты, первым из России смотрел в Японии на новых роботов, бил для видео флагманские смартфоны ценой в пять зарплат обычного россиянина, но одна вершина оставалась все же непокоренной.

В последнее время его навязчивой идеей стало попасть на завод «Росальтэна». Он направил пару десятков запросов о посещении предприятия — и неизменно получал отказ. Журналисты и блогеры временами приезжали за свой счет в Красноярск, но максимум, что им удалось, — снять проходную и пару раз пообщаться с сотрудниками завода. В городе внимательно мониторили, кто к ним прилетает, и некоторых журналистов оппозиционных СМИ без разговоров останавливали в аэропорту и сажали на обратный рейс.

Когда Трошин начал наливать воду в чайник, в другом конце комнаты раздался звонок. Он сначала решил не брать, но потом нехотя туда поковылял. На экране высветился Павел из пресс-службы «Альта». Сердце подскочило в предвкушении: перед тем как взять трубку, он пару раз глубоко вздохнул и прочистил горло.

— Владимир, добрый день! Павел Орлов, пресс-служба «Росальтэна». Удобно говорить?

— Да, Паш. Занят, но минутка есть. По какому вопросу звоните? — Трошин старался отвечать как можно строже и по-деловому, не выдавая возбуждения.

— Владимир, рад вам сообщить, что скоро случится знаковое событие — мы наконец-то покажем завод прессе. Вы не раз писали запрос о посещении предприятия, и мы рады, что наконец-то можем вас пригласить. Скажите, вам интересно было бы поехать?

— Ох, подождите. Дайте в календарь загляну... Ну, если в мой график уложится, то можно попробовать.

— Отлично, я пришлю все детали в приглашении. Очень хотели бы вас видеть — как самого авторитетного журналиста в области высоких технологий. Скажите, вы планируете ехать в качестве ведущего своего блога или со съемочной группой от «Первого»? Их редактору не звонил, сразу вам.

— Я подумаю, как лучше. Все, Павел, не могу говорить, очень занят: съемки, высылайте приглашение. И я привык летать бизнес-классом.

— Спасибо большое, приложим максимум усилий, чтобы вам понравилось. Обязательно сообщите, если с вами будет съемочная группа, мы начинаем оформлять билеты. До скорого!

Пиарщик прекратил вылизывать жопу, и Владимир бросил трубку. После чего, опираясь на трость, аж подпрыгнул и ударил себя свободной рукой по пятке. Это будет эпичный репортаж, тысяча на пятьсот лайков, ради такого можно и с группой «Первого» поехать, вся страна посмотрит. И пусть только попробуют не дать ему лучшего оператора для такого сюжета!

А теперь скорее сделать об этом посты в соцсетях — пока другие журналисты, которых уже наверняка начали приглашать, не выложили эксклюзив первыми. Он подошел к ноутбуку, развернул на весь экран лого «Росальтэна» из гугл-картинок и сделал фото с высунутым языком.

* * *

Она никогда не любила пресс-туры.

— Можно поторопиться? Я не могу опаздывать, только с поезда. У меня очень напряженный график.

Кира Герман яростно перегоняла во рту жвачку: слева направо и обратно — в последние пару лет питерские пробки стали просто невыносимыми, а ей не хотелось терять пару миллионов из-за опоздания. Лезть в метро, впрочем, хотелось еще меньше.

— Девушка, ну а что вы хотите? — покосился в зеркало заднего вида пожилой интеллигентный

таксист, какие еще остались только в Питере. Кира была немного старомодна в плане доверия к автономным такси и предпочитала терпеть водителей. — Опять становимся европейской столицей. Я вот коренной петербуржец и никогда такого не видел. Центр перенаселен, раньше сюда москвичи валили, потом регионы, а теперь европейцы прут, «почувствовать дух старой Европы», как они говорят. Сначала западные полезли, теперь и восточные. Скупают недвижимость целыми районами. Я иногда зайду куда-нибудь и возмущаюсь — ни слова по-русски. Будем скоро, как при царице Екатерине и немцах, людьми второго сорта. Я думаю...

— Дядь, пожалуйста, давай молча поедем.

Таксист обиженно моргнул, замолчал, включил погромче классическую музыку и стал смотреть перед собой на еле ползущие машины. Кира ехала на открытие многострадального петербургского долгостроя — парка Тучков Буян. В интернете она прочла, что его заложили, когда ей было лет восемь, и домучили только сейчас, когда она уже стала совершеннолетней. Да она и не могла о нем слышать в детстве, семье еще тогда только предстояло перебраться в Россию из Казахстана.

Ехала в предерьмовейшем настроении, вчера узнала, что ее теперь уже бывший парень ей изменял. Впрочем, работа есть работа, ехать надо, в свободное время поплачет.

Метиска: мать — из русских немцев, отец — казах с уйгурскими корнями. Благодаря яркой внешности Кира с детства была в центре внимания. К красоте, вызывавшей слюноотделение у большей части мужского пола, с возрастом добавились крепкий внутренний стержень и пробивной характер. Далеко не все на новом месте приняли их с сестрой с распростертыми объятиями — и если парни волочились, то многие девчонки открыто ненавидели, вплоть до рукоприкладства.

С такими данными путь в е-селебрити был обеспечен — и уже в шестнадцать она обладала солидным количеством онлайн-поклонников, а к восемнадцати стала собирать сотни тысяч просмотров. Ее сделал амбассадором модный стрит-фэшн бренд Когнее, а фирменную прическу — неровное рыжее каре с выбритым в районе виска треугольником, открывавшим татуировку с пандой, — глянцевого блога и журналы отметили среди актуальных трендов года.

Минут через двадцать Кира поняла, что может безбожно опоздать, и в районе Эрмитажа выскочила из машины, безнадежно застрявшей в пробке. Она побежала через Дворцовый и Биржевой мосты к Тучкову Буяну. По дороге сделала пару селфи с узнавшими ее, несмотря на шапку и очки, фанатками, записала десять голосовых сообщений друзьям и менеджеру по рекламе и ровно в назначенный срок оказалась на месте.

— Точность — вежливость королей. — Кинула она нервно поджидавшему ее на входе в парк сопровождающему из пресс-службы.

* * *

— Хэй-хэй, это Кира! — Девушка вела стрим, который смотрели больше двух сотен тысяч человек. Герман продемонстрировала в камеру телефона жест «виктори» и свой выбритый треугольник. — Сегодня вы не поверите, где я: в парке Тучков Буян, он наконец-то открылся, специально под Новый год. Я безумно рада такому подарку всем горожанам. Я очень долго ждала нового тусового места в моем любимом городе на Неве! Мы ждали, ждали — и вот завтра вход сюда будет свободным для всех, а сейчас я одна из первых гостей!

Минутой ранее вы видели, как закончил выступление Степан Сергеевич, мэр Петербурга. Надо сказать, что очень во многом открытие парка — его заслуга, так что, питерцы, кто меня смотрит, золотой человек ваш мэр! Берегите такого! Я сама примчала сюда по новой велодорожной сети, что была им запущена в прошлом году. Да, она работает даже зимой. Мы скоро перегоним по велодвижению Амстердам!

В общем, мне очень нравится, что происходит с городом. Итак, давайте посмотрим, что для нас придумали архитекторы и ландшафтные дизайне-

ры. И начнем с новой достопримечательности Петербурга — искусственного холма, с которого открывается вид на мегаполис. Уверена, вы захотите отсюда скатиться на ледяной горке. По-о-о-ехали!

* * *

Четырьмя часами позже она впервые за сутки вздохнула свободно. В районе небоскребов, выросшем вокруг Лахта-центра, было особенно приятно смотреть на закат, сидя в баре на крыше шестьдесят пятого этажа нового стеклянного офисного монстра. Бесконечный день подходил к концу. Развалившись, Кира любовалась необычно безоблачным питерским небом, потягивая кисло-сладкий «Брамбл». С соседней высотки бил в глаза яркий медиафасад с рекламой «Росальтэна». Завтра полдня на шопинг и друзей, забежать на кофе с сырниками в Бертгольд центр, а потом опять поезд, бесконечная череда съемок, модных показов, бессонных ночей в Китай-городе и вал сообщений от фанатов.

В кармане завибрировало. Герман извлекла телефон и разложила его вчетверо. Сидевший рядом на диване менеджер в костюмчике, стараясь не подавать виду, покосился: гибкие экраны давным-давно перестали быть фантастикой, но оставались дорогой игрушкой. Высветилось сообщение:

«Кира, привет! Это Павел. Если помнишь, в прошлом году на регате пересекались, шампанское пили) Тут такая тема, думаю, ты слышала про «Росальтэн», скоро они в первый раз повезут людей показывать завод, хотят пригласить и тебя, поработать с продвинутой молодой аудиторией. Ты как на это смотришь? Думаю, это будет очень интересно твоим подписчикам, настоящий эксклюзив, там еще никто никогда не был».

«Привет! Интересно, но ты же знаешь, я в пресс-туры просто так не езжу. Теряю заработок. По деньгам-то чего?»

«Знаю, да) какие твои ожидания?»

Кира ухмыльнулась и убрала телефон. Надо немного помариновать, чтобы набить цену. День заканчивался чудесно. Она никогда не любила пресс-туры, но ради денег можно было и потерпеть.

* * *

— Парень, ты неправильно делаешь, — раздался голос за спиной. — Ноги до конца не доводишь, вес себе поставил слишком большой для твоего уровня физической подготовки.

Илья закатил глаза. Он терпеть не мог советчиков в качалке.

— Давай я тебе покажу, как надо?

Голос переместился за правое плечо. Демьянов поднял глаза, ожидая увидеть не отягощенного

интеллектом тренажерного мачо. Но перед ним стоял поджарый мужчина средних лет, с умными глазами и холодным жестким взглядом, в простеньких шортах и футболке. На ногах — старые стоптанные кроссовки.

— Знаю, бесит, когда вот так подходят, как я. Но я все время делал ровно ту же ошибку, пока мне не показали.

Илья с сомнением доверился незнакомцу. Так он впервые встретился с Лосем. Мужчину звали Денис, но он почему-то не любил свое имя, всем представляясь кличкой, о происхождении которой не распространялся. Илья и не спрашивал, видя, что новый знакомый не любит говорить о прошлом. Приехал из Новосибирска, живет в городе уже несколько лет, работает охранником на аэродроме — вот и вся известная биография. Как-то в раздевалке Демьянов заметил у Лося несколько выцветших татуировок, явно тюремного происхождения, но тактично промолчал.

Постепенно они стали общаться больше, встречаясь в качалке пару раз в неделю. Лось показывал разные упражнения, помогал Илье нарастить мускулатуру; тот, в свою очередь, болтал с ним о машинах и высмеивал поп-клипы, что крутили по телевизору в тренажерном зале.

Жили они недалеко друг от друга. Летними вечерами Илья и Лось нередко выходили вдвоем из здания спортклуба на улице Победы и шли

до перекрестка с улицей Летчиков. Там парень шел налево, в свою разваливающуюся хрущевку, в квартиру, где жил с матерью, а мужчина прямо — за строящейся на углу церковью и старым кладбищем, по дороге к старому военному аэродрому, располагалось общежитие для охраны и технического персонала нового городского аэропорта.

Демьянов стал иногда подкидывать Денису халтурку в автомастерской. Обычным охранникам аэропорта платили не очень много, поэтому тот был благодарен. Постепенно они узнавали друг друга все лучше, но о своем прошлом Лось все так же предпочитал не распространяться.

Денис представлял собой сплав грубой силы и природного ума: не сказать, что интеллеktуал, но он был начитан, хорошо разбирался в технике, знал немного английский, а еще в разговорах с ним регулярно проскакивало презрение и ненависть к «Росальтэну».

Однажды теплым весенним вечером они незапланированно напились. Закончив ремонт очередной машины в одиннадцатом часу, Илья достал пару банок пива. Этим, предсказуемо, не ограничилось. Они пошли в магазин и купили еще, потом немного покутили в недавно открывшемся в новых районах баре, потом взяли еще по несколько банок с собой и отправились на одну из излюбленных у горожан достопримечательностей — Сухой холм.

Кто первым придумал это название, было неясно; впрочем, оно предельно хорошо описывало суть места. Минутах в двадцати ходьбы от города через лес, прямо посреди еловой чащи, возвышался холм, на котором ничего не росло, кроме травы — деревья его словно бы сторонились, и ни одного кустика не прижилось на его склонах. Поговаривали, что это природная аномалия, что собираются прилететь ученые из Москвы, впрочем, до этого пока не дошло.

Как бы то ни было, верхушка холма возвышалась над лесом и дарила прекрасный вид на ночное небо и засыпающий город. Сюда нередко приходили компании, здесь уединялись влюбленные парочки и просто одинокие романтики. В детстве Илья часто сбегал сюда в особо тяжелые моменты.

Когда приятели наконец вскарабкались на холм, то оба замерли, в который раз поразившись открывшейся картине. Пьяное состояние только усиливало эмоции, здесь человек словно поднимался к звездам и видел оттуда тьму бесконечных лесов и вереницу огоньков краснополярских домов.

— Красота, — протянул Денис, шлепаясь на склон и открывая банку.

Помолчали, разглядывая небосвод и город под ним.

— Лось, — попросил Илья, — а Расскажи о себе. Ты же явно не охранником всю жизнь был.

Тот взглянул на Илью, потом куда-то под ноги. Достал сигареты, долго прикуривал, наконец затаился и подпер рукой голову.

— Это долгая история.

Демьянов терпеливо выжидал.

— Когда-то я был пилотом вертолета...

Лось говорил несколько часов, Илья слушал не перебивая. В прошлой жизни у Дениса были жена и хорошая работа — все до той аварии, в которой погиб крупный чиновник, а он чудом выжил, отделавшись парой царапин. Проблема была в техническом обслуживании, но на нем наживалось слишком много паразитов, поэтому крайним сделали Дениса. «Ошибка пилота», сказали в новостях. Его долго мучили в СИЗО, потом посадили в тюрьму. Жена не выдержала испытания и ушла. На зоне пришлось несладко, но он не сломался, не сдался и вышел по УДО через пять лет. Идти, впрочем, было некуда. Пилота-уголовника никто не хотел брать на работу, жить тоже было негде. Несколько бывших коллег, знавших, что он невиновен, собрали для него немного денег на съемную конуру, но с трудоустройством помочь не могли, как ни старались.

В тот момент в Краснополярске начались масштабные стройки, и когда возникла необходимость в большом штате пилотов, стали принимать всех подряд. Удача, казалось бы, наконец-то улыбнулась Лосю, и его взяли на работу в «Росальтэн».

Два года он отлетал на грузовом вертолете, обеспечивая стройматериалами городские объекты.

А потом ударное строительство закончилось, и от пилота с уголовным прошлым поспешили избавиться, несмотря на его идеальную дисциплинированность и безошибочные полеты. Лишь по ходатайству прикипевшего к нему главы летного отряда Денису позволили остаться в городе в роли охранника аэропорта. Лось рассматривал новую должность как унижение и жил, опустив руки, без всяких перспектив на будущее и испытывая ненависть к компании, которая сначала дала ему надежду, а потом сама же ее и растоптала.

Когда Денис закончил рассказ, уже светало. За ночь они прикончили пачку сигарет. Илья пристально посмотрел на Лося.

— Что ты слышал об анархизме? — спросил он.

Глава 3

СЕКРЕТЫ

— Орлов, сколько у тебя человек-то едет? — спросил подошедший Константин, руководитель отдела. Он маячил за левым плечом Павла, заглядывая в открытый на мониторе Excel с неизменной ухмылочкой, с которой и хвалил, и ругал подчиненных.

— Да семь человек всего: четыре жура, съемочная группа «Первого» с течкингом и одна блоге-